

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»**

На правах рукописи

Грищенко Александр Игоревич

**СЛАВЯНО-ЕВРЕЙСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ В
СРЕДНЕВЕКОВОЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ:
ЛИНГВОТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Резюме

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва 2021

Работа выполнена в Институте классического Востока и античности федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Публикации

На защиту выносятся перечисленные ниже девять статей. Во всех них А. И. Грищенко — единственный автор. Шесть статей входят в ведущие журналы, включенные в международные базы данных и индексы цитирования «Scopus» и «Web of Science», две статьи опубликованы в журналах, входящих в 1-й квартиль в МБД «Scopus», две — в журналах 2-го квартиля, три — в журналах из перечня журналов высокого уровня, подготовленного НИУ ВШЭ.

1. *Грищенко А. И.* Языковые и литературные контакты восточных славян и евреев в средние века. Итоги и перспективы изучения // *Studi Slavistici* XV. 2018. № 1. С. 29–60. DOI: 10.13128/Studi_Slavis-20511

2. *Грищенко А. И.* Следы раввинистической экзегезы на «Благословение Иакова сыновьям» (Быт 49) в апокрифических версиях Толковой Палеи и славяно-русском Пятикнижии, правленном по Масоретскому тексту // *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*. Roč. 85. 2016. S. 3–4. С. 321–332.

3. *Grishchenko A. I.* Turkic Loanwords in the Slavonic-Russian Pentateuchs Edited According to the Masoretic Text // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol. 61. 2016. Iss. 2. P. 253–273. DOI: 10.1556/060.2016.61.2.1

4. *Грищенко А. И.* «Дикие звери» Сигизмунда Герберштейна и перечень чистых копытных в правленном славяно-русском Пятикнижии // *Slavistična revija*. Letnik 65/2017. Št. 4 (oktober–december). С. 611–628.

5. *Грищенко А. И.* Ещё раз о происхождении кириллической буквы «Э»: кириллица, глаголица или еврейское письмо? // *Slovo: časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu*. 2019. № 69. Str. 35–69. DOI: 10.31745/s.69.2

6. *Грищенко А. И.* Какие *стурлаби* украла Рахиль у Лавана? (Об источниках глосс славяно-русского Пятикнижия XV века) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 1 (71). С. 105–115.

7. *Грищенко А. И.* Хронология «Родословия Адама» (Быт 5) в Правленом славяно-русском Пятикнижии XV века: К истокам календарных споров с «жидовствующими» // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III: Филология. 2018. № 56. С. 9–47. DOI: 10.15382/sturIII201856.9-47

8. *Грищенко А. И.* Язык «Забелинской подборки» — неизвестного памятника восточнославянского христианского гебраизма на землях Речи Посполитой // Rocznik Teologiczny LXII – z. 2/2020. s. 547–589. DOI: 10.36124/rt.2020.21

9. *Грищенко А. И.* Глоссарий к Песни песней в «Забелинской подборке»: заимствованная лексика и её источники // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2021. № 67. С. 11–49. DOI: 10.15382/sturIII202167.11-49

Результаты диссертационного исследования также представлены в следующих семи статьях:

10. *Грищенко А. И.* Названия еврейских месяцев в средневековой славяно-русской книжности: переводы с греческого и непосредственные заимствования из семитских источников // Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. Jg. LXIII (2018). Heft 2. S. 189–214.

11. *Грищенко А. И.* Археография и текстология Правленого славяно-русского Пятикнижия XV века: новые данные // Славяноведение. 2020. № 4. С. 68–87. DOI: 10.31857/S0869544X0010421-6

12. *Grishchenko A. I.* The Church Slavonic Song of Songs Translated from a Jewish Source in the Ruthenian Codex from the 1550s (RSL Mus. 8222): A New Revised Diplomatic Edition // Scrinium. Journal of Patrology and Critical Hagiography. 2019. Vol. 15. Iss. 1. Pp. 111–131. DOI: 10.1163/18177565-00151P08

13. *Grishchenko A. I., Shapira D.* The Trilingual Prayer Copied by Avraham Firkowicz: The First Hebrew, Judeo-Slavic, and Crimean Judeo-Turkic Trilingual Text // *Journal of Jewish Languages*. 2021. Vol. 9. Iss. 1. P. 100–149. DOI: 10.1163/22134638-bja10012

14. *Грищенко А. И., Понарядов В. В.* Новые находки памятников древнепермского языка и письма // *Ural-Altaiic Studies*. 2021 (в печати).

15. *Грищенко А. И.* Этнонимические прозвища святых в православном Синаксаре: сводный перечень с лингвокультурологическим комментарием // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III: Филология*. 2014. № 2 (37). С. 55–73. DOI: 10.15382/sturIII201437.55-73

16. *Грищенко А. И.* Этнонимические прозвища святых в православном Синаксаре: опыт статистического исследования // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III: Филология*. 2013. № 4 (34). С. 21–39.

Апробация

Основные положения и результаты исследования обсуждались в 2010–2021 гг. на 70 международных и национальных конференциях, круглых столах и научных семинарах в Москве, С.-Петербурге, Казани, Великом Новгороде, Екатеринбурге, Сольвычегодске, Одессе, Полоцке, Пинске, Гродно, Даугавпилсе, Белграде, Нови-Саде, Софии, Любляне, Оломоуце, Варшаве, Вроцлаве, Риме, Грайфсвальде, Бохуме, в их числе:

- XVI Международный съезд славистов (2018);
- International workshop “Constructing Religious Otherness in Russia” (2019);
- The European Association of Biblical Studies Annual Conference (2019);
- Internationale Fachtagung “Von der Historienbibel zur Weltchronik Die byzantinisch-slavisches Palaea / Paleja” (2017);

- Third International Conference on Christian Hebraism in Eastern and Central Europe “The Jews in Christian Eyes. Between Inspiration and Hostility” (2017);
- International Meeting of Young Linguists at Palacký University, Olomouc (2016);
- Ежегодная конференция Международной ассоциации славистов «POLYSLAV» (2015–2017);
- Римские Кирилло-Мефодиевские чтения (2016);
- «Светци и свети места на Балканите» (2012);
- «Библейската ръкописна традиция между лексикографията, текстологията и литературната история» (2017);
- «Райко Нахтигал и 100 лет славистики в Люблянском университете» (2018);
- «Комплексный подход в изучении Древней Руси» (2015, 2017);
- Научные чтения гуманитарного факультета Даугавпилсского университета (2017–2020);
- Славянские чтения Даугавпилсского университета (2015, 2018);
- «Берковские чтения. Книжная культура в контексте международных контактов» (2019, 2021);
- Международная научная конференция «Византийская агиография: темы, тексты и проекты» (2012);
- Ежегодная международная конференция по иудаике центра «Сэфер» (2011, 2012, 2016–2019);
- Международные конференции цикла «Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия» центра «Сэфер» (2015–2018);
- Международная филологическая конференция С.-Петербургского государственного университета (2010, 2013, 2014–2016);
- «Древняя Русь и германский мир в историко-филологической перспективе» (2018, 2021);

- Палеославистические чтения (2016);
- «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (2015);
- «Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания» (2017);
- Международная онлайн-конференция «Острожская Библия и развитие библейской традиции у славян» (2021);
- Богословская конференция ПСТГУ (2020, 2021);
- «Маргиналии: границы культуры и текста» (2015, 2021).

Всего было сделано 79 устных докладов, в том числе семь дистанционных.

Кроме публикаций, представленных на защиту, результаты одного из раздела диссертации — посвящённого Правленому славяно-русскому Пятикнижию XV века — были опубликованы в виде монографии «Правленое славяно-русское Пятикнижие XV века: предварительные итоги лингвотекстологического изучения» (М., 2018), на которую вышло две рецензии исследователей из Белоруссии и Израиля:

- М. У. Тарэлка // Беларуская лінгвістыка. Вып. 81. 2018. С. 154–155;
- К. Бондарь // Judaic-Slavic Journal. № 1 (2). 2019. С. 259–262.
DOI: 10.31168/2658-3364.2019.1.5.1

Монография была представлена в качестве приложения к докладу на XVI Международном съезде славистов в Белграде (август 2018 г.), во времени которого автор настоящего диссертационного исследования был принят в состав Библейской комиссии при Международном комитете славистов (<https://www.cesecom.it/en/contents/biblical-commission/103>).

Три проекта по теме диссертации под руководством соискателя были поддержаны следующими грантами:

- 2015–2016: Грант президента РФ для поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук. Проект МК-4528.2015.6: «Языковые и литературные контакты славян и евреев в средневековой Slavia Orthodoxa»;

- 2017–2018: Грант президента РФ для поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук. Проект МК-1338.2017.6: «Лингвотекстологическое исследование славяно-русских пятикнижий, правленных по Масоретскому тексту»;
- 2021–2023: Грант по итогам конкурса на лучшие проекты фундаментальных научных исследований по теме «Россия и Ближний Восток: исторические, политические, археологические и культурные контакты и связи», проводимого совместно Российским фондом фундаментальных исследований и Императорским православным палестинским обществом. Проект 21-012-41004: «Средневековые русско-еврейские контакты и славянский таргум».

Кроме того, результаты исследований А. И. Грищенко в области средневековой иудео-славяки оказались востребованы в популяризации науки:

- декабрь 2017 г.: в рамках программы вебинаров Центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер» был прочтён цикл из четырёх онлайн-лекций «Языковые и литературные контакты славян и евреев на средневековых русских землях»;
- 2019 г.: публичные лекции в рамках просветительского проекта «Эшколот»: 1) «Евреи Золотой Орды: *Judaeo-Turco-Slavica*» (Москва, клуб-кафе «Дом 12», 24 апреля 2019 г.); 2) «Силна якоже съмръть любовь: Песнь песней на Руси и еврейский оригинал» (Москва, клуб-кафе «Дом 12», 22 сентября 2019 г.); 3) экскурсия «*Judeo-Slavica* в Доме Пашкова: Уникальные рукописи в Ленинке» (Москва, Российская государственная библиотека, Отдел рукописей, 20 октября 2019 г.);
- октябрь 2019 г.: онлайн-лекции на просветительском портале «Церковнославянский язык сегодня»: 1) «Славяно-еврейские контакты и переводы средневековой Руси»; 2) «Какие стурлаби украла Рахиль у Лавана?».

Введение

Статьи, представленные к защите в настоящей диссертации, посвящены довольно специфической теме, находящейся на стыке как традиционных предметных областей филологии, прежде всего славистики, иудаики и тюркологии, так и филологических дисциплин — исторического языкознания и текстологии. Синтез трёх указанных предметных областей, вызванный исследованием того эмпирического материала, который лёг в основу настоящей работы, мы уже предложили называть термином *Judaeo-Turco-Slavica*. Однако общая предметная область диссертации укладывается в более традиционное понятие *Judaeo-Slavica*, и внутри этой области имеется особый раздел, изучающий славяно-еврейские контакты в эпоху Средневековья и раннего Нового времени на восточнославянских землях. Именно к этой **предметной области** и относится представленная к защите диссертация.

Славяно-еврейские контакты в ареале Средневековой Руси — именно так мы предпочитаем его называть, имея в виду непрерывность культурной и литературной традиции Древней Руси и более поздних государств, сформировавшихся на её территории, — изучаются нами в лингвистическом и текстологическом аспектах, синтез которых даёт такую ещё не до конца устоявшуюся в методологическом отношении дисциплину, как лингвотекстология.

Именно этой дискуссионностью дисциплинарного статуса лингвотекстологии, вокруг которой не утихают споры филологов, специализирующихся на средневековых славяно-русских памятниках письменности, во многом и определяется **актуальность** темы настоящей диссертации. Актуальность работы обусловлена также открытием новых памятников языкового и литературного взаимодействия восточных славян и евреев в период начиная с позднего Средневековья и раннего Нового времени, а также активизацией диаспоральных исследований, в том числе исторических

и социолингвистических. Кроме того, в последние годы в медиевистических исследованиях наблюдается возрастающее внимание к темам пограничья: территориального, социального, культурного, языкового, конфессионального, — и предлагаемая к защите диссертация находится именно в русле такого рода исследований, поскольку обращается к пограничным текстам, созданным на литературных языках восточнославянского ареала, но имеющим принципиально иноконфессиональное и иноязычное происхождение.

Если же обратиться непосредственно к средневековым славяно-еврейским исследованиям, начатым, пожалуй, ещё в 1865 г. А. Я. Гаркави в его книге «Об языке евреев, живших в древнее время на Руси», то сейчас они также переживают подъём, связанный с открытием новых источников, в том числе иноязычных оригиналов ранее известных, но не получивших уверенной интерпретации библейских переводов («старший» перевод Песни песней по Музейному списку, Правленое Пятикнижие), а также свидетельств о славянах и Руси в еврейских источниках. Так, лишь за последнее десятилетие вышла серия статей Б. А. Успенского, посвящённых славяно-еврейским контактам в текстах Древней Руси¹; С. Ю. Темчиным был обнаружен, издан и всесторонне исследован кириллический «Учебник древнееврейского языка»², чешскими

---

¹ Успенский Б. А. Имя Бога в славянской Библии (К вопросу о славяно-еврейских контактах в Древней Руси) // Вопросы языкознания. 2012. № 6. С. 93–122; Он же. Буква Э в древнерусских певческих текстах и в списках библейской книги Исход // Вопросы языкознания. 2013. № 6. С. 79–114; Он же. Из истории славянской Библии: славяно-еврейские языковые контакты в Древней Руси // Вопросы языкознания. 2014. № 5. С. 24–55; Он же. Филологические наблюдения над текстом «Откровения Авраама» // Вопросы языкознания. 2015. № 5. С. 49–86.

² Темчин С. Ю. Кириллический рукописный учебник древнееврейского языка (XVI в.) и Виленский ветхозаветный свод // Knygotyra. 2011. Nr. 57. С. 86–99; Он же. Темчин С. Ю. Кириллический рукописный учебник древнееврейского языка (XVI в.): публикация и общая характеристика памятника // Naujausi kalbų ir kultūrų tyrimai. Vilnius, 2012. С. 137–180; Он же. Пели ли восточные славяне XV–XVI веков псалмы по-древнееврейски // Język naszej modlitwy — dawniej i dziś. Białystok, 2012. S. 19–26; Он же. Кириллический рукописный учебник древнееврейского языка (список XVI в.) и его учебно-методические приемы // Slavistica Vilnensis. 2013. Kalbotyra 58 (2). P. 7–33; Он же. Библейские цитаты кириллического рукописного учебника древнееврейского языка (список XVI в.): между

учёными был издан полный свод «кенаанских» глосс из еврейских рукописей, происходящих с чешских земель³.

Из израильских славистов продолжает издавать и изучать памятники еврейско-христианского сотрудничества проф. Моше Таубе (собственно, термин «Jewish-Christian collaboration» принадлежит ему⁴), который начинал с исследования «простомовных» переводов библейских книг с еврейских оригиналов в составе Виленского библейского свода (рукопись F 19—262 пер. четв. XVI в., Библиотека Академии наук Литвы им. Врублевских, Вильнюс): подготовленное Моше Альтбауэром издание «Пяти свитков» из него (книги Песнь песней, Руфь, Плач Иеремии, Екклесиаст и Есфирь)⁵ сопровождается конкордансом, составленным М. Таубе. Его статьи посвящены языковым и текстуальным особенностям других книг Виленского свода — Псалтири⁶, Иова⁷ и Притчей⁸, — связям «ереси жидовствующих» с переводами с

церковнославянским языком и руськой мовой // Славянская письменность Великого княжества Литовского: Характерные черты и специфические особенности. Вильнюс, 2014. С. 227–238; *Он же*. Мессианский смысл последнего гимна Псалтири в кириллическом рукописном учебнике древнееврейского языка (по списку XVI в.) // Там же. С. 239–248; *Он же*. Богородичная тематика в кириллическом рукописном учебнике древнееврейского языка (список XVI в.): толкование др.-евр. *'almāh* // Там же. С. 249–274; *Он же*. Кириллический рукописный учебник древнееврейского языка (список XVI в.). Языковая компетенция и этнические обозначения (еврейский и арамейский языки) // Беларуская кніга ў кантэксце сусветнай кніжнай культуры. Вып. 5. Мінск, 2014. С. 140–154; *Temchin S. Y.* Learning Hebrew in the Grand Duchy of Lithuania: An Evidence from a 16th-Century Cyrillic Manuscript // *The Knaanites: Jews in the Medieval Slavic World*. Moscow, Jerusalem, 2014. P. 261–281.

³ *Bláha O., Dittmann R., Komárek K., Polakovič D., Uličná L.* Kenaanské glosy ve středověkých hebrejských rukopisech s vazbou na české země. Praha, 2015.

⁴ *Taube M.* Jewish-Christian Collaboration in Slavic Translations from Hebrew // *Translation and Tradition in “Slavia Orthodoxa”*. München, 2012. P. 26–45.

⁵ *Altbauer M.* The Five Biblical Scrolls in a Sixteen-Century Jewish Translation into Belorussian (Vilnius Codex 262) / *Concordance compiled by M. Taube*. Jerusalem, 1992.

⁶ *Taube M.* The Vilnius 262 Psalter: A Jewish Translation? // *Jews and Slavs*. Vol. 14. Jerusalem, 2004. P. 36–45.

⁷ *Idem.* The Book of Job in Vilnius 262 // *Jews and Slavs*. Vol. 15. Jerusalem, Sofia, 2005. P. 281–296.

⁸ *Idem.* The Book of Proverbs in Vilnius 262 // *The Bible in Slavic Tradition*. Leiden, Boston, 2016. P. 179–194.

еврейского⁹, в частности отождествлению «Схарии», киевского еврея, считавшегося вдохновителем этой «ереси», с книжником Захарией¹⁰, а также «Лаодикийскому посланию» Фёдора Курицына¹¹. Кроме того, М. Таубе подготовлены критические издания, сопровождаемые обстоятельными исследованиями, «Логика жидовствующих»¹² и «Тайной тайных»¹³.

Еврейский университет в Иерусалиме был инициатором создания целой серии «Jews and Slavs» (с 1993 по 2016 г. вышло 25 томов), в которой публиковались многие статьи того же М. Таубе, а 14-й том «Кенааниты: Евреи в средневековом мире (= The Knaanites: Jews in the Medieval Slavic World)» целиком посвящён средневековой славяно-еврейской проблематике и содержит не только новые публикации, но и перепечатку старых работ, начиная с классического труда А. Я. Гаркави. Книжная серия «Studia Judaeoslavica» крупнейшего международного гуманитарного издательства «Brill» (12 томов с 2009 по 2020 г.), издаваемая под редакцией проф. Александра Кулика, также не чужда средневековой тематике: это тома, посвящённые «Второй книге Еноха»¹⁴ и «Откровению Авраама»¹⁵, и

---

⁹ Таубе М. Послесловие к «Логическим терминам» Маймонида и ересь жидовствующих // In memoriam. Сборник памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 239–246; Таубе М. The Fifteenth-Century Ruthenian Translations from Hebrew and the Heresy of the Judaizers: Is There a Connection? // Speculum Slaviae Orientalis: Muscovy, Ruthenia and Lithuania in the Late Middle Ages. Moscow, 2005. P. 185–208.

¹⁰ Idem. The Kievan Jew Zacharia and the Astronomical Works of the Judaizers // Jews and Slavs. Vol. 3. Jerusalem, 1995. P. 168–198.

¹¹ Idem. The “Poem of the Soul” in the *Laodicean Epistle* and the Literature of the Judaizer // Harvard Ukrainian Studies. 1995. Vol. 19. P. 671–685; Idem. The Spiritual Circle in the Secret of Secrets and the “Poem of the Soul” // Harvard Ukrainian Studies. 1998. Vol. 18. Iss. 3/4. P. 342–355.

¹² Idem. The Logika of the Judaizers: A Fifteenth-Century Ruthenian Translation from Hebrew. Jerusalem, 2016.

¹³ Ryan W. F., Таубе М. The Secret of Secrets: The East Slavic Version. Introduction, Text, Annotated Translation, and Slavic Index. London, 2019.

¹⁴ Orlov A., Boccaccini G., eds. New Perspectives on 2 Enoch. No Longer Slavonic Only. Leiden, Boston, 2012; Macaskill G. The Slavonic Texts of 2 Enoch. Leiden, Boston, 2013.

¹⁵ Orlov A. The Atoning Dyad: The Two Goats of Yom Kippur in the Apocalypse of Abraham. Leiden, Boston, 2016.

славянской Библии¹⁶. Под редакцией А. Кулика вышел первый том новой «Истории еврейского народа в России» («От древности до раннего Нового времени», 2010), где историческим свидетельствам о евреях Древней Руси посвящена отдельная глава самого А. Кулика¹⁷, а также имеются главы о славянских переводах Библии¹⁸, сюжетах еврейской литературы в славянской книжности¹⁹ и восточнославянским переводам эпохи «жидовствующих»²⁰. Наконец, сам А. Кулик исследовал и отдельные сюжеты в средневековых славяно-еврейских книжных контактах²¹. Кроме М. Таубе и А. Кулика, средневековыми славяно-еврейскими контактами в Израиле занимается Константин Бондарь²², а также в области *Judaeo-Turco-Slavica* начал работать проф. Дан Шапира²³.

---

¹⁶ Kulik A. et al., eds. The Bible in Slavic Tradition. Leiden, Boston, 2016.

¹⁷ Кулик А. 2.1. Евреи Древней Руси: источники и историческая реконструкция (пер. с иврита А. Полян) // История еврейского народа в России. От древности до раннего Нового времени. Т. 1. М., Иерусалим, 2010. С. 189–213.

¹⁸ Алексеев А. А. 4.1. Переводы Библии // Там же. С. 345–355.

¹⁹ Ди Томмасо Л. 4.2. Древнееврейские источники в славянской литературной традиции (Пер. с англ. Б. Рашковского) // Там же. С. 356–366.

²⁰ Таубе М. 4.3. Ересь «жидовствующих» и переводы с еврейского в средневековой Руси (Пер. с иврита Б. Рашковского) // Там же. С. 367–397.

²¹ Kulik A. Judeo-Greek Legacy in Medieval Rus' // Viator. 2008. Vol. 39. No. 1. P. 51–64; *Idem*. Jews from Rus' in Medieval England // The Jewish Quarterly Review. 2012. Vol. 102. No. 3. P. 371–403; *Idem*. Jews and the Language of Eastern Slavs // The Jewish Quarterly Review. 2014. Vol. 104. N. 1. P. 105–143; Кулик А. Дихотомия *господь / господинь* и кирилло-мефодиевская лингво-теологическая инновация // Slověne = Словѣне. 2019. Vol. 8. No. 1. С. 25–54; Kulik A., Yahalom Sh. Jewish Scholarship in Early Eastern Europe // Viator. 2020. Vol. 50. No. 1. P. 31–75.

²² Бондарь К. В. Из наблюдений над текстами славяно-еврейской книжности // Хазарский альманах. Т. 14. М., 2016. С. 38–64; *Он же*. О типологии восточнославянских переводов с древнееврейского // Wschód Europy. 2017. Vol. 3. No. 1 S. 155–165; *Он же*. Тексты и их переводчики: К типологии переводов с древнееврейского на Руси // Контакты и конфликты в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2017. С. 68–79; *Он же*. Между Ханааном и Рутенией: Еврейско-славянская книжность и книжники. Киев, 2019.

²³ Shapira D. An Unknown Jewish Community of the Golden Horde // In Competing Narratives between Nomadic People and their Sedentary Neighbours (= Studia uralo-altaica. Vol. 53). Szeged, 2019. P. 281–294.

Из российских учёных фактически главою научного направления средневековой иудео-славяки является заведующий кафедрой библеистики С.-Петербургского государственного университета Анатолий Алексеевич Алексеев, автор фундаментальной «Текстологии славянской Библии» (СПб., Köln, Weimar, Wien, 1999). Первая его обзорная статья по этой тематике вышла ещё в 1987 г., затем, вплоть до XVI Международного съезда славистов в Белграде, последовало ещё несколько²⁴.

Представленный обзор литературы в области средневековой иудео-славяки за минувшие два-три десятилетия даёт представление о её обилии, что само по себе свидетельствует о высокой актуальности этой тематики. Предметная область нашей диссертации базируется на активно исследуемом со второй половины XX века **материале**, который можно назвать *Corpus Judaico-Slavonicum*. В нашем случае памятники этого корпуса ограничены восточнославянскими, без регулярного привлечения данных языковых контактов евреев и западных славян — территории «западноханаанского», если называть, следуя средневековой еврейской терминологии, славянский диаспоральный язык в целом — иудео-славянский — «ханаанским»²⁵. Однако для восточнославянского ареала его иудео-славянский («восточноханаанский») является до сих пор искомой единицей, поскольку не известны средневековые памятники на каком-либо восточнославянском идиоме, написанные еврейской графикой и/или заведомо происходящие из еврейских общин Средневековой Руси. Прямых языковых и

---

²⁴ Алексеев А. А. Переводы с древнееврейских оригиналов в древней Руси // *Russian Linguistics*. 1987. Vol. XI. P. 1–20; *Он же*. Русско-еврейские литературные связи до 15 века // *Jews and Slavs*. Vol. 1. Jerusalem, St. Petersburg, 1993. С. 44–75; *Он же*. Русско-еврейские литературные связи Киевской эпохи. Результаты и перспективы исследования // *Кенааниты: Евреи в средневековом славянском мире*. М., Иерусалим, 2014. С. 166–182; *Он же*. Еврейские источники в литературной традиции древней Руси // *Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XVI Междунар. съезд славистов. Доклады российской делегации*. М., 2018. С. 5–17.

²⁵ Hill B. S. *Judeo-Slavic // Handbook of Jewish Languages*. Revised and updated edition. Leiden, Boston, 2017. P. 600–618.

литературных контактов с евреями у южных славян при этом не засвидетельствовано ни в одном памятнике, поэтому иудео-славика в большом ареале *Slavia Orthodoxa* оказывается актуальной исключительно на восточнославянских землях, точнее в текстах, созданных на этой территории на двух основных литературных языках средневековой Восточной Славии: церковнославянском и — позднее, в западной её части, то есть на русских землях Великого княжества Литовского и Короны Польской — «прóстой мове», известной также в литературе как «западнорусский литературный язык», а в аутентичных источниках как «русский (руський) язык» или «русская (руська) мова» (в соответствии с латинской номенклатурой, его именуют также *рутенским*, в частности по-английски — *(Old) Ruthenian*, поэтому элементы этого языка в церковнославянском тексте называют *рутенизмами*. Кроме того, в средневековом иудео-славянском корпусе использовался и гибридный церковнославянский — согласно трактовке В. М. Живова, в т. ч. со ссылками на использование такого рода языковой гибридизации не только в Московской, но и (Юго-)Западной Руси²⁶. Корпус текстов на этих двух языках (и возможного их гибрида) содержит по большей части переводные памятники письменности, оригиналы которых, прежде всего библейские тексты, были использованы нами на следующих языках: древнееврейском (библейском, или классическом иврите), средневековом иврите (в традиционной иудейской экзегезе), арамейском (языке переводов ранней иудейской диаспоры Ближнего Востока), древнегреческом (прежде сего, языке грекоязычной иудейской диаспоры, ставшем основным языком христианства в Восточной Римской империи, и с него делались древнейшие и основные переводы на церковнославянский); в качестве вспомогательных нами также привлекались библейские переводы на латынь (Вульгата), иудео-арабский

---

²⁶ Живов В. М. История языка русской письменности. Т. I. М., 2017. С. 236–249.

(основной язык иудейских общин Ближнего Востока), иудео-персидский и более поздний, чем язык Септуагинты, иудео-греческий (романиотский). Основными языками текстов-посредников, переведённых в иудейских общинах Центральной и Восточной Европы, для нас стали иудео-тюркский (в совокупности диалектов, старозападнокипчакских в своей основе, но также имеется и один огузский, старотурецкий по языку, памятник) и старый библейский идиш, или протоидиш — диаспоральный язык ашкеназов, верхненемецкий по своему происхождению (для сравнения с библейскими переводами на него привлекались и собственно верхненемецкие, христианские, переводы с Вульгаты, а также нижнемецкий и нидерландский). Таким образом, среди использованного нами материала тексты на языках трёх семей: индоевропейской, семитской и тюркской.

Сочетание материала на столь большом количестве языков, привлечённом к изучению средневековых славяно-еврейских контактов, придаёт диссертации **новизну**. Автором работы впервые сопоставляются церковнославянские и «простомовные» памятники не только с текстами на древнееврейском языке, что делалось в этой области исследования ранее, но и с переводами библейских книг на диаспоральные еврейские языки — прежде всего иудео-тюркский и протоидиш.

Основной **целью** диссертации является установление принципов межъязыкового взаимодействия восточнославянской христианской и иудейской книжных традиций на территории Восточной Европы. Достижению этой цели служит решение более частных **задач**:

- 1) инвентаризация и типологизация памятников, входящих в *Corpus Judaico-Slavonicum*;
- 2) анализ фонетико-орфографических особенностей при передаче габраизмов в восточнославянских памятниках книжности;

- 3) установление источников глосс и эмендаций Правленого славяно-русского Пятикнижия;
- 4) оценка возможности использования еврейской графики в восточнославянских памятниках книжности;
- 5) выявление текстов-посредников на диаспоральных еврейских языках при трансляции библейских книг из иудейской традиции в православную славяно-русскую.

Теоретическая значимость настоящей диссертации определяется предложенными методами установления для переводного текста языка оригинала и языка возможного посредника при помощи системы лингвотекстологических маркеров. Кроме того, для теории межкультурной коммуникации представляется важным открытие тюркского посредничества в славяно-еврейских языковых и культурных контактах XV века, что позволяет также лучше понять языковую ситуацию в Восточной Европе этого периода, когда начали складываться литературные языки нового типа и появляться на исторической арене языки малых этнических групп. **Практическая значимость** работы состоит в возможности использования её результатов в преподавании истории восточнославянских литературных языков, истории средневековой книжности и исторической социолингвистики.

Основным методологическим подходом, используемым в настоящей диссертации, является комплексный многоаспектный анализ памятников письменности, в который включаются следующие **методы**:

- лингвотекстологический (приводит к установлению истории текста по данным языка);
- историко-этимологический (позволяет установить происхождение редких слов и гапаксов, используемых в переводах, что приводит к выяснению их непосредственных оригиналов);
- сравнительно-культурный (позволяет делать выводы о возможности или невозможности использования того или иного текста и составных его

частей в той или иной культуре, в нашем случае — иудейской, православной, католической, а также в реформационных движениях на территории Западной Руси);

- метод интертекстуального анализа (выявляет текстуальные заимствования из одного текста в другой, что уточняет историю изучаемого памятника);
- датирование рукописей по водяным знакам бумаги (без точной датировки списков невозможно корректное изучение памятников);
- палеографический (уточняет датировку, может способствовать локализации рукописи, привязки её к определённым писцовым школам).

По результатам исследования **на защиту выносятся следующие научные положения:**

1. Непосредственные языковые контакты восточнославянских книжников с семитскими языками, в данном случае — древнееврейским как главным книжным языком иудейской традиции, устанавливаются при помощи системы орфографических маркеров, которые имеют разную степень надёжности в зависимости от возможности передачи специфических древнееврейских фонем (прежде всего *š*, в меньшей степени — *a*, *h*, *š*) единицами основного языка-посредника традиционной церковнославянской книжности — греческого.

2. Все памятники восточнославянской письменности, в которых имеются надёжные орфографические маркеры непосредственного обращения к текстам иудейской традиции на древнееврейском языке, относятся к двум основным группам: ранней, содержащей отдельные вкрапления гебраизмов («Речи к Жидовину о вочеловечении Сына Божия», апокрифы Толковой Палеи, Послание Афанасия, мниха Иерусалимского), и поздней, связанной с деятельностью православных восточнославянских «гебраистов» во второй половине XV века на землях Великого княжества Литовского. Вне этой

классификации остаются фрагменты переводов «Иосиппона» и старший церковнославянский перевод книги Есфирь, происхождение которых — как место, так и время, а также язык их непосредственных оригиналов — пока дискуссионно.

3. Гебраизмы и заимствования из диаспоральных еврейских языков в средневековых восточнославянских памятниках письменности следует разделять на два типа: языковые, свидетельствующие лишь о контактах между носителями разных языков, и текстуальные, которые могли попасть из текста на одном из еврейских языков в славянский текст безотносительно того, насколько они были освоены языком-реципиентом.

4. Кроме древнееврейского языка, источником лексических заимствований в средневековую восточнославянскую книжность могли выступать диаспоральные еврейские языки: иудео-тюркский (на старозападнокипчакской диалектной основе) и иудео-немецкий (на средневерхнемецкой диалектной основе).

5. Тюркский таргум (перевод Св. Писания на диаспоральный еврейский язык) является одним из источников глосс и эмендаций Правленого славяно-русского Пятикнижия XV века — редакции раннего церковнославянского перевода первых книг Библии, созданной на восточнославянских землях Великого княжества Литовского или Короны Польской.

6. Существование средневекового славянского таргума признаётся в высокой степени вероятным, однако ни один из известных на сегодня переводов библейских книг с еврейских оригиналов на церковнославянский или «просту мову», а также Правленое Пятикнижие не могли выступать в качестве славянского таргума.

7. Во второй половине XV века в нескольких книжных центрах Средневековой Руси происходит как правка старых библейских переводов по еврейским источникам, так и создание новых, также на основе еврейских текстов. Первый центр находился предположительно в Киеве, второй, самый

известный, — в кругу новгородского архиепископа Геннадия, под чьим руководством был создан первый практически полный свод библейских книг на церковнославянском языке. Однако Геннадиевская Библия (1499) содержит лишь следы обращения к Правленому Пятикнижию, которое стало широко распространяться по книжным центрам Московской Руси до третьей четверти XVI века.

8. Два западнорусских перевода Песни песней — в Музейном списке середины XVI века (церковнославянский в своей основе) и в составе Виленского библейского свода первой четверти XVI века (на «простой мове») — основываются на раввинистической экзегезе ашкеназской традиции и содержат следы использования протоидишского таргума. Взаимосвязь этих двух переводов доказывается статьями глоссария к Песни песней, который открывает обнаруженную автором настоящей диссертации «Забелинскую подборку» — блок ветхозаветных переводов с еврейских источников на «просту мову».

1. Лингвистические показатели семитизмов, заимствованных в славянские памятники без греческого или латинского посредничества

статья, выносимая на защиту: Грищенко А. И. Языковые и литературные контакты восточных славян и евреев в средние века. Итоги и перспективы изучения // *Studi Slavistici* XV. 2018. № 1. С. 29–60. DOI: 10.13128/Studi_Slavis-20511

Традиционный путь семитизмов, в частности гебраизмов, из собственно еврейского источника в восточнославянскую книжность как часть языкового и литературного мира *Slavia Orthodoxa* предполагал прежде всего греческое посредничество (в отдельных случаях, например при переводах с Вульгаты, ещё и латинское). Методологическую установку на поиск греческого текста как непосредственного оригинала славянского перевода А. А. Архипов назвал

«принципом Ланта-Таубе»²⁷, и этот принцип работает, если не встречается препятствий не столько текстуального, сколько именно языкового характера, связанных с невозможностью средствами греческого языка (а также и латинского) передать некоторые особенности древнееврейского языка.

1.1. Ложные гебраизмы

Согласно принципу Ланта-Таубе, большинство гебраизмов и, шире, семитизмов средневековой славяно-русской книжности является по непосредственному источнику заимствования грецизмами: это целый массив прежде всего имён собственных — личных, географических, этнических — еврейского происхождения (**израиль, авраамъ, исаакъ, иаковъ, синай, сионъ, пасха, месиа**). Такого типа библеизмы нельзя считать «ложными семитизмами», поскольку в их статусе грецизмов никогда не было никакого сомнения. Собственно ложными гебраизмами можно называть те слова древнерусской книжности, которые имели и у самих книжников, и доверившихся им позднейших исследователей репутацию «еврейских». Такие слова нередко собирались в особые ономастиконы, наиболее ранние из которых содержатся в знаменитом Изборнике XIII в. РНБ, Q.п.1.18, в котором представлен и старший и наиболее полный список «Речей к Жидовину», содержащий самый ранний из зафиксированных во всей славяно-русской книжности реальный семитизм. К ложным гебраизмам можно отнести слово **каафъ** — из названия славяно-русской «Книги Кааф», — которое считалось «еврейским» и связывалось с неким туманным еврейским источником²⁸. В действительности же имя второго сына Левия — Каафа / Кеѓата (*Qəhāt*) — совершенно случайно оказалось в заглавии этой книги, которое восходит к греческой глоссе Καὰθ ἐκκλησιαστής ‘Кааф — соборник’ из ономастиконов,

---

²⁷ *Архипов А. А.* По ту сторону Самбатина: Этюды о русско-еврейских культурных, языковых и литературных контактах в X–XVI веках. Oakland (CA), 1995. С. 246–247.

²⁸ *Грищенко А. И.* Славянские приключения греческого Кеѓата: О происхождении названия древнерусской «Книги Кааф» // *Slověne = Словѣне*. 2012. Vol. I. No. 2. С. 95–110.

содержащих толкования библейских имён. Сама же глосса, по-видимому, связана с соответствующим местом из «Завета Левия» апокрифических «Заветов двенадцати патриархов». Кроме того, написание самого имени Каафа довольно сильно варьировалось как в славянских переводах Восьмикнижия, особенно в Правленом Пятикнижии, так и в Палее Толковой, в последней не только в составе «Завета Левия», но и в основном тексте. Приключения слова **кааѡъ / каафъ** в средневековой русской письменности оказались целиком книжными, лишёнными связей с гипотетической устной традицией, которую в данном случае было бы весьма соблазнительно измыслить, и не имеют никакого отношения к непосредственным славяно-еврейским контактам.

1.2. Ранние древнерусские гебраизмы

Собственно гебраизмы славяно-русской книжности, заимствованные без греческого или латинского посредничества, должны отвечать следующим формальным критериям, надёжность коих следует по убыванию:

1) Передача семитского /š/ (др.-евр. буква שׁ «шин») кириллической буквой **Ш**, которая через аналогичное начертание в глаголице восходит к семитскому «шину»: этот показатель — наиболее известный среди всех признаков гебраизмов в славянском тексте, поскольку ни греческий (через «сигму»), ни латинский (через букву «S») языки не передают передненёбный (шипящий) характер соответствующей фонемы.

2) Передача семитских «шва» при помощи славянских еров, а также буквы **Ы**, на что впервые обратил внимание А. А. Архипов: славянские редуцированные, память о которых долго сохранялась и после их падения / прояснения, удивительным образом подошли для передачи прежде всего *šawa mobile*.

3) Передача семитских ה /h/ и ג /g/ славянскими **Г** и **ГК (КГ)** соответственно, которая, впрочем, использовалась непоследовательно.

4) Соответствия, которые в принципе могли быть выражены средствами греческой графики византийского периода: **β** /b/ → **Б** (старые гебраизмы в греческом, записанный через β, произносились уже с щелевым /v/); **צ** /s/ → **Ц** (соответствует ашкеназскому и сефардскому произношениям); **ח** /h/ → **Х** (также отвечает ашкеназской и сефардской системам).

Наиболее ранние из зафиксированных древнерусских семитизмов содержат именно первый показатель: это две формы наименования иудейского мессии — **мшика** и **мшиаакъ** — в «Речах к Жидовину о вочеловечении Сына Божия» из Изборника XIII в.: из др.-евр. *māšîḥ* (и, вероятно, также из араб. *māšīḥā*). Второе по времени фиксации появление имени иудейского мессии — антихриста, по христианским представлениям, — в Толковой Палее, причём в трёх самых ранних списках кон. XIV и нач. XV в. (палей Александро-Невской, Барсовской и Коломенской), уже содержит **Х**, правда уже имеет вид **мшлхъ**²⁹: этот гебраизм трижды употреблён в составе выявленного нами апокрифа «Благословение Иаковле сыном своим»³⁰. Кроме того, Палея содержит формы **шамиръ** (из др.-евр. *šāmîr* ‘алмаз’, в апокрифе о Соломоне и Китоврасе, сюжетно, но не текстуально восходящем к трактату «Гиттин» Вавилонского Талмуда, где, естественно, употреблена арамейская форма *šamîrā*), **Малкатошва** (др.-евр. *malkaṭ šəḥā* ‘царица Савская’, в одном из апокрифов о Соломоне и царице Савской), с иными показателями гебраизмов — имя жены Моисея **цѣпора**, **цифора**, **ципира** или **цифора** (др.-евр. *šippōrā^h*, в отличие от греч. Σεπφωρα), гидроним ***ѣбокъ** (др.-евр. *Yabbōq*; два последних — в апокрифическом «Житии Моисея»).

Самым ранним древнерусским текстом, содержащим семитизм (контаминированную форму **флиштими** — из др.-евр. *pəlišṭīm* и греч.

²⁹ Грищенко А. И. О гебраизме **мшлхъ** ‘Messias’ в Палее Толковой // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. 2012. № 1. С. 15–22.

³⁰ Грищенко А. И. Славяно-русский апокриф «Благословение Иаковле сыном своим»: текстологические и лингвистические наблюдения // Slověne = Словѣне. 2015. Vol. IV. No. 1. С. 128–158.

Φυλιστιεΐμ), правда дошедшим в позднем списке пер. четв. XVI в., если принять гипотезу С. Ю. Темчина о его создании во втор. пол. XII в. на Св. Земле, оказывается Послание Афанасия, мниха Иерусалимского, Панку «О древе крестном»³¹: вероятная книжная работа восточнославянских монахов в государстве крестоносцев в это время вполне может объяснять появление ранних древнерусских семитизмов, особенно наименования иудейского мессии, поскольку именно в этот период в иудейских общинах Палестины и диаспоры чрезвычайно активизировались мессианские настроения.

1.3. Устное бытование гапаксов-библейзмов в славяно-русской книжности

Из ранних русских гебраизмов вызывает особый интерес трансформация написаний двух рассмотренных выше имён — иудейского мессии (**машика** / **машиаакъ**, далее в Толковой Палее **машлаахъ**) и царицы Савской (**Малкатошва**). Обе эти формы, судя по всему, прошли через этап устного бытования, коим только и можно объяснить ряд произошедших в них изменений. Дальнейшее искажение этих гебраизмов писцами, уже не понимавшими их еврейское происхождение, конечно, приводило к ожидаемым графическим трансформациям, однако они не затемнили процессов, сопровождавших падение / прояснение редуцированных в восточнославянском ареале.

Всю цепочку фонетико-орфографических преобразований исходной др.-евр. формы *māšîḥ* ‘помазанник’ можно реконструировать следующим образом: др.-евр. *mašiax* / *mašiaḥ* → слав. *mašijaxъ / *mašijakъ (XII в.?) → *mašjǎxъ / *mašjǎkъ → *mašjǎxъ* / *mašjǎkъ* (XIII в.?) → *mašl'axъ* (*mašl'akъ*) (втор. пол. XIV в.). Все предложенные в данной реконструкции изменения могли происходить исключительно в устной речи (в книжной не происходило

---

³¹ Темчин С. Ю. Иерусалимский мних Афанасий (XII в.) и происхождение домонгольских переводов с древнееврейского // Восточная Европа в Древности и Средневековье. Ранние этапы урбанизации. XXXI Чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 2019. С. 240–244.

бы падения напряжённого редуцированного; также чисто графически нельзя объяснить переход $j > l'$).

Аналогичное поведение редуцированных демонстрирует имя царицы Савской, адаптированное древнерусской книжностью в форме *МАЛКАТЬ ШЬВА (из др.-евр. *malkat šəbā'*): на конце первого компонента *malkat* появился закономерный «ер», а «шва» во втором компоненте *šəbā'* было передано славянским редуцированным — в данном случае «ерем», учитывая мягкость славянского *š'*. Формой, возникшей в результате падения/прояснения редуцированных, следует считать написание МАЛКАТОШВА — и оно действительно представлено в некоторых рукописях, причём уже в старшей — в Барсовской Палее (ГИМ, Барс. 619, кон. XIV — нач. XV в.).

В другую эпоху — уже среди глосс и эмендаций Правленого Пяникнижия — вопрос об устном или книжном заимствовании касается названия шкуры некоего животного, переданного корнем ТАГШ- (в прилагательных ТАГШЕВЪ / -ЫИ, ТАГШОВЪ / -ЫИ, ТАГШИИ, ТАГШИИЪ). Несмотря на то что в этих прилагательных явно просвечивает древнееврейский корень *tāḥaš* или *tāḥaš* (который, естественно, представлен в приведённых стихах и в *МТ*), довольно долгое время лексикографы и этимологи соотносили его с греческим соответствием из Восьмикнижия — *δακίνθινος* ‘гиацинтовый, тёмно-синий’, пытаясь подобрать близкий к нему по значению этимон, причём в тюркских языках³². В передаче др.-евр. *tāḥaš* при помощи слав. ТАГШ- обращает на себя внимание соответствие буквы «хет» (П) кириллическому Г, что также может быть объяснено особенностями произношения, причём значимыми для диалектного членения ашкеназского иврита³³.

---

³² Krivko R. *Tagaš* in der russischen historischen Lexikographie und Etymologie // *Schnittpunkt Slavistik. Ost und West im wissenschaftlichen Dialog. Festgabe für H. Keipert zum 70. Geburtstag*, 3. Bonn, 2012. S. 59–68.

³³ Грищенко А. И. С листа или на слух? (Заметки о двух библеизмах-гапаксах в славяно-русской книжности) // *Palaeoslavica*. 2015. Vol. XXIII. No. 2. P. 303–313.

2. Лингвотекстологические особенности Правленого славяно-русского Пятикнижия XV века

статьи, выносимые на защиту:

- *Грищенко А. И.* Следы раввинистической экзегезы на «Благословение Иакова сыновьям» (Быт 49) в апокрифических версиях Толковой Палеи и славяно-русском Пятикнижии, правленном по Масоретскому тексту // *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*. Roč. 85. 2016. S. 3–4. С. 321–332;
- *Grishchenko A. I.* Turkic Loanwords in the Slavonic-Russian Pentateuchs Edited According to the Masoretic Text // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol. 61. 2016. Iss. 2. P. 253–273. DOI: 10.1556/060.2016.61.2.1;
- *Грищенко А. И.* «Дикие звери» Сигизмунда Герберштейна и перечень чистых копытных в правленном славяно-русском Пятикнижии // *Slavistična revija*. Letnik 65/2017. Št. 4 (oktober–december). С. 611–628;
- *Грищенко А. И.* Ещё раз о происхождении кириллической буквы «Э»: кириллица, глаголица или еврейское письмо? // *Slovo: časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu*. 2019. № 69. Str. 35–69. DOI: 10.31745/s.69.2;
- *Грищенко А. И.* Какие стурлаби украла Рахиль у Лавана? (Об источниках глосс славяно-русского Пятикнижия XV века) // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2018. № 1 (71). С. 105–115;
- *Грищенко А. И.* Хронология «Родословия Адама» (Быт 5) в Правленном славяно-русском Пятикнижии XV века: К истокам календарных споров с «жидовствующими» // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III: Филология*. 2018. № 56. С. 9–47. DOI: 10.15382/sturIII201856.9-47

Правленое славяно-русское Пятикнижие — особая редакция древнего церковнославянского перевода Восьмикнижия, то есть первых восьми книг Ветхого Завета, представленного в комплекте именно первых пяти книг. Правленным его называют потому, что в нём содержится большое количество глосс и правок, выполненных, как считалось до недавнего времени, по древнееврейскому Масоретскому тексту, а славяно-русским — поскольку эта редакция возникла на восточнославянской почве, причём, как доказывается в настоящей диссертации, не ранее XV века (скорее, во второй его половине на восточнославянских землях Великого княжества Литовского или Короны Польской, предположительно в Киеве). На сегодня известно 22 списка Правленого Пятикнижия (два из них выявлены и введены в научный оборот

автором диссертации)³⁴, для которого — как особой русской редакции славянского Восьмикнижия — характерны четыре основных текстообразующих признака:

1) закреплённость в составе Пятикнижия, а не Восьмикнижия (часть списков дефектна, содержит Пятикнижие не полностью, тогда как ещё четыре списка предшествующих редакций представляют именно Пятикнижие);

2) деление на синагогальные недельные главы (имеется ещё в шести списках предшествующей редакции, которые, однако, не старше списков Правленого Пятикнижия);

3) наличие особого Оглавления (отсутствует в нескольких списках, но, судя по всему, как принадлежавшее протографу Правленого Пятикнижия, было утрачено в них; присутствует в нескольких списках предшествующей редакции);

4) наличие сотен глосс на полях и эмендаций в тексте (есть во всех списках; некоторые глоссы могли случайно попасть в списки предшествующей редакции).

Предшествующей редакцией является текст, содержащий исправления по Позднему Паримейнику (поздняя русская редакция Восьмикнижия, включённая затем в Геннадиевскую Библию), что было установлено на материале книги Исход А. А. Пичхадзе³⁵. История славянского четьего Восьмикнижия представлена на *Схеме 1*: для южнославянской редакции четьего Восьмикнижия использованы данные статьи В. Желязковой³⁶; перевод

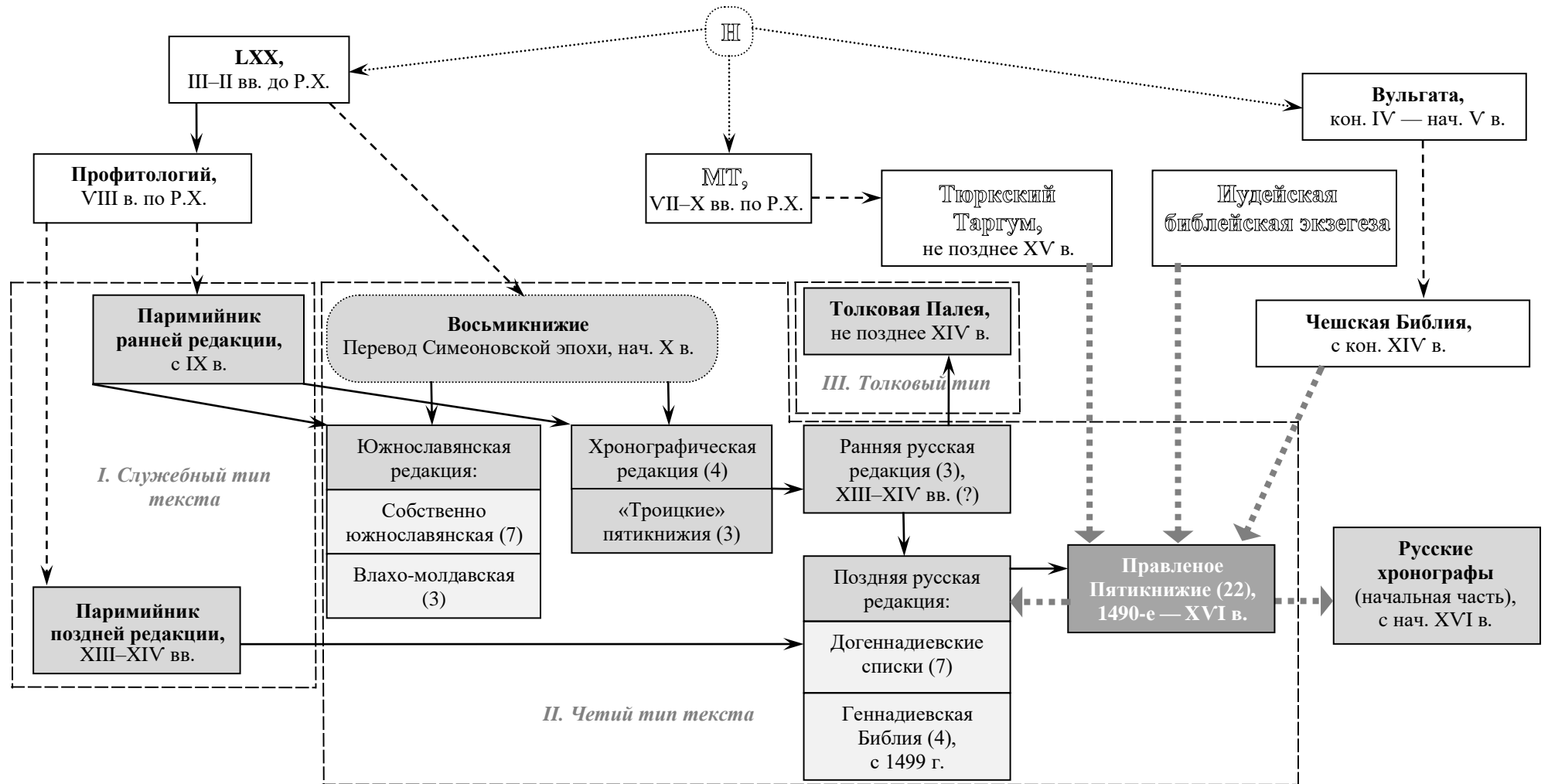
---

³⁴ См. наиболее подробный их археографический обзор: *Грищенко А. И.* Археография и текстология Правленого славяно-русского Пятикнижия XV века: новые данные // *Славяноведение*. 2020. № 4. С. 68–87.

³⁵ *Пичхадзе А. А.* Из истории четьего текста славянского Восьмикнижия // *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. XLIX. СПб., 1996. С. 10–21.

³⁶ *Желязкова В.* Книга Исход в южнославянских списках XV–XVI вв. // *Studi Slavistici*. 2016. Vol. XIII. С. 243–256.

Схема 1. Соотношение типов и редакций славянского перевода Восьми- и Пятикнижия (на рукописном материале кон. XII — XVI вв.)

○ несохранившиеся тексты
 ■ славянские памятники

---> направление перевода
 —> зависимость между редакциями
 .....> зависимость между текстами без указаний на промежуточные редакции
 - - - -> направление текстуального влияния

Симеоновской эпохи не дошёл в аутентичных списках; в скобках указано количество известных рукописей; серой стрелкой обозначено обратное влияние Правленого Пятикнижия на предшествующую русскую редакцию четьего Восьмикнижия. **III** — условное обозначение гипотетического древнееврейского текста, который послужил источником — в разных своих редакциях — и для первого греческого перевода (**LXX**), и для латинского перевода (**Вульгата**), и для использующейся доныне стабильной редакции иудейской Библии (**MT**). Поскольку проблема соотношения LXX и других греческих переводов, MT и Вульгаты нами здесь не рассматривается, представленная схема достаточно условна.

2.1. Типы глосс и эмендаций

Глоссы и эмендации вызывают наибольший интерес у исследователей Правленого Пятикнижия, поскольку благодаря им можно судить о языковых и текстуальных связях этого важнейшего памятника средневековых славяно-еврейских контактов. Под глоссами подразумеваются чтения, вынесенные на поля и глоссирующие слова или словосочетания основного текста, причём между ними обычно устанавливалась связь при помощи специальных знаков сносок — повторяющихся спиритусов. Эмендации — изменения в тексте, не всегда отмеченные маргинальными глоссами. Расположение исходного чтения и глоссы постоянно варьируется не только от списка к списку, но и внутри одного списка: часть маргинальных глосс соответствует исходному чтению, тогда как в основной текст было внесено новое, заимствованное извне, — поэтому разделять глоссы и эмендации нецелесообразно.

Во-первых, глоссируются имена собственные. Глоссы с именами собственными, приведёнными в еврейских формах, — первое, что бросается в глаза в Правленом Пятикнижии и что отметил уже А. Х. Востоков в 1842 г.

Во-вторых, глоссируются понятия и реалии иудаизма. Многие слова, употреблявшиеся в библейском тексте, потеряв всякую актуальность для

христиан, оставались значимыми для иудеев и потому получали соответствующее глоссирование. Этим характеризуются прежде всего календарные глоссы, благодаря которым актуализировались: еврейское летосчисление (касается исправления возраста допотопных патриархов в соответствии с МТ в Быт 5), еврейские праздники, например Песах, Суккот ‘праздник кущей’, юбилейный год. Кроме календарных глосс, в Правленном Пятикнижии выделяются глоссы, связанные с кашрутом, то есть иудейскими пищевыми запретами и предписаниями. Глоссы этого типа представлены не только в перечнях чистых и нечистых животных (Лев 11:1–31 и Втор 14:7–20), но и в других стихах. К глоссам, отражающим текстуальные практики иудаизма, следует также отнести благочестиво-эвфемистические глоссы, которые представляют собой замену прямого именованя Бога упоминанием ангела или судей, священников — владыками и др., характерную для иудейской традиции вербального благочестия.

В-третьих, в Правленном Пятикнижии имеются глоссы, относящиеся к реалиям окружающего справщиков мира вещей и торговли. Нами были изучены наименования таких «колониальных товаров», как благовония, сладости и специи на материале стихов Быт 37:25 и 43:11³⁷.

В-четвёртых, Правленное Пятикнижие содержит правку по другим редакциям славянского Восьмикнижия. Этот тип глосс и эмендаций, обнаруженный нами, оказался неожиданным, поскольку, во-первых, расширяет круг источников Правленного Пятикнижия до собственно славянских, но представляющих более ранние редакции Восьмикнижия, во-вторых, даёт возможность утверждать о методе работы справщиков — а именно о том, что они пользовались множеством источников одновременно, а не только МТ или его ближайшими интерпретациями, в-третьих, позволяет при изучении источников Правленного Пятикнижия не

---

³⁷ Грищенко А. И. Названия благовоний, специй и сладостей в Правленном славяно-русском Пятикнижии XV века // Славянский альманах. 2019. Вып. 1–2. С. 282–304.

ограничиваться еврейскими источниками, как считалось ранее, но обращаться к иным христианским переводам Библии.

2.2. Тюркское посредничество в усвоении иудейской традиции

Обнаруженное влияние иудейской экзегезы ничего не прибавило к уяснению непосредственных источников глосс и эмендаций в Правленом Пятикнижии, кроме уже известного влияния МТ: лингвистических доказательств того, что справщики Правленого Пятикнижия работали с арамейскими или сирийскими текстами, а также со средневековыми раввинистическими комментариями, заимствуя из них специфические формы, пока нет, однако обнаружился другой — и неожиданный — источник, а именно тюркский таргум. Замена слова **коѹмирѣ** старославянского перевода (resp. греч. εἶδωλον) в Правленом Пятикнижии странным гапаксом **стоѹрлабѣ** (или, возможно, **стоѹрлабѣ**) в Быт 31:19, 34, 35 со всей очевидностью восходит именно к тюркскому таргуму, поскольку встречается во многих его версиях, начиная с рукописи ADub.ш.73, написанной в 1720 г. на тракайском диалекте уже в Галиции. Выяснилось, что эта глосса (эмендация) попала в славяно-русский текст из тюркского (старозападнокипчакского) перевода Пятикнижия, который отражает в данном месте давнюю традицию раввинистической и караимской библейской экзегезы, согласно которой Рахиль украла у Лавана не идолы, а астролябии (араб. *'aṣṭurlāb* — заимствование из греч. ἀστρολάβος или ἀστρολάβον (ὄργανον)). Это слово стало ключом к открытию основного источника глосс Правленого Пятикнижия — тюркского таргума МТ, который достоверно существовал в XV в., поскольку автором диссертации был введён в научный оборот самый ранний его список, датированный 1470–80-ми гг., — рукопись Российской национальной библиотеки (С.-Петербург) Евр.І.Библ., № 143, которая содержит фрагмент Пятикнижия (Исх 21:11 — Числ 28:15, с лакунами).

К сожалению, Евр. I. Библия, № 143 остаётся единственным в своём роде списком старокипчакского таргума Пятикнижия, следующие же за ним по времени сохранившиеся списки младше его более чем на два столетия, причём все принадлежат уже исключительно караимской традиции. Караимские версии представлены ещё четырьмя редакциями: 1) тракайской (старшая рукопись ADub. III. 73 только что издана М. Неметом³⁸), 2) крымской³⁹, 3) турецкой и 4) галицко-волынской.

Сводный перечень 21 тюркизма в составе глосс и эмендаций Правленного Пятикнижия представлен в *Таблице 1*, где светло-серой заливкой показаны языковые соответствия тюркизмов данным нескольких старокипчакских языков, а тёмно-серой — текстуальные совпадения с тюркским таргумом, для которого в качестве опорного текста было выбрано евпаторийское издание 1841 г. (разночтения приведены по: *Фирк. 143* — старшему списку тюркского таргума XV в. из собрания А. С. Фирковича, III. 73 — рукописи 1720 г., изданной М. Неметом, *Фирк. 144* — крымской рукописи XVIII в. и *Вил. 1889* — печатному изданию Бытия в переводе на тракайский диалект). В столбце с языковыми данными, извлечёнными из соответствующих словарей (для одной формы — из корпуса), используются языки: а.к. — армяно-кипчакский; кар. — караимский трёх диалектов: гал. — галицко-луцкий, кр. — крымский, тр. — тракайский; осм. — османский; СС — язык «Кодекса куманикуса»; НКРЯ-Ст. Рус. — Старорусский корпус в составе Национального корпуса русского языка.

Тюркское посредничество при усвоении восточнославянскими книжниками в XV в. еврейской традиции не ограничивается только Правленным Пятикнижием. Этому факту имеются и другие лингвистические

---

³⁸ *Németh M. The Western Karaim Torah. A Critical Edition of a Manuscript from 1720. Vols. 1–2. Leiden, Boston, 2021.*

³⁹ *Jankowski H., Aqtaş G., Cegiółka D., Çulha T., Németh M. The Crimean Karaim Bible. Vols. 1–2. Wiesbaden, 2019.*

Таблица 1. Тюркизмы в Правленом славяно-русском Пятикнижии (русские списки XV–XVI вв.)

	№	Стих	Глосса/эмендация	Славянское слово	Тюркский таргум	Кипчакские данные
1. Собственные имена арабского происхождения	1	Быт 41:45, 50, 46:20	скандръна, скиндыреѧ, скиндириѧ	градъ сълнъуьныи	Формы <i>MT</i> во всех известных версиях тюркского таргума	[Skandar, Skändär, Skender (а.к.)]
	2	Быт 10:10	багаддѧ, багадатъ	вавулонъ		[Baydat, Baydad (а.к.)]
	3	Быт 14:15	шамъ	дамаскъ		Šam (а.к.), [шамаладжа ‘сирийский шёлк’ (кар.: тр.кр.)]
	4	Быт 41:41, 54	исоупъ	исоифъ		Исуп (СРК), [Jvʃvɾ (CC)]
	5	Быт 10:4	кандыѧ	критъстии		Kandija ‘Крит’ (а.к.)
	6	passim	мисиръ и под.	егупетъ	Misir (III.7, Вил. 1889 micri)	Мисир (кар.), Mîsir, Misir, Misur (а.к.)
2. Не тюркские этимологически	7	Быт 31:19,34, 35	стоурамь	коумиръ	istorlab, istorlap (III.73 sturlap, Вил. 1889 sturlab)	(кар.:) исторлап, ысторлап (кр.), стурлаб (тр.), стурлап (кр., гал.)
	8	Быт 40:1	солтанъ, салтанъ	цъсарь егупетъскыи	хан (III.73, Вил. 1889 biy)	soltan (CC, а.к.), [sultan (а.к.)]
	9	Исх 28:18	оьлмасъ	пазии (иастъ)	elmas (Фирк. 143 almas, III.73 diyament)	yalmas (CC), (кар.:) эьлмаз (кр.), алмаз (тр.), алмас (тр., гал.; а.к.)
	10	Быт 37:25, 43:11	амбаръ	вонѧлица	saqiz (сакъыз (кар.кр.) ‘жевательная смола, жвачка’) (III.73 mastik, Вил. 1889 ladan)	ambar ‘ladanum’ (CC)
	11	Быт 43:11	фирьакъ, фирьатикъ	теревинѧ	tiryak (Вил. 1889 diryaq)	тирьак ‘возбуждающее средство’ (кар.: тр., гал.), дирйак ‘снадобье’ (кар.: тр.)

	12	Исх 9:32	БРЫНЕЦЬ	ПЫРО	qoř ařliq ‘двузернянка (полба)’ (III.73 qara buday ‘чёрная пшеница’)	brinç ‘risun (sic!)’ (CC), (кар.:) бириньч (тр.), брындрз (гал.) ‘рис’
	13	Быт 49:13	ЛИМЕНЪ, ЛИМЕНЬ	ПРИСТАВЪ КОРАБЕЛЬНИИ	liman (III.73 boğoz) (bis)	límen ‘portus’ (CC), лиман ‘залив’ (кар.тр.гал.)
	14	Быт 45:23	КАТЫРЬ	МУСКЪ	tiři eřağ ‘ослица’ (NB: resp. MT ’āṭōn ‘ослица’ vs. LXX ἡμίονος ‘мул’; III.73 eřek)	(кар.:) катыр (тр., гал.), кьатыр (кр.), ҳатір (а.к.) ‘мул’
	15	Исх 1:14	КИРПИХЪ	КАЛЪ	kirpiç	(кар.:) кирпич (тр.), кирпич (гал.); ‘кирпич-сырец’ kerpiç, kerpidž (а.к.)
		Исх 5:7	КИРПИХЪНИИ	ЛИННЪНИИ	kerpiç (III.73 kirpiç)	
	16	Втор 14:5	САИГАКЪ, САИГАНЪ	ВЕЛЬБОУДЪ	III.73 soğaç	(кар.:) согъак ‘олень’ (гал.), согъах ‘оленёнок’ (тр.)
	17	Оглавление	ТАВЛА ‘скрижаль (Завета)’	[ДЪСКА в библи. <i>тексте</i>]	<i>Фирк. 143</i> tavla ‘скрижаль (Завета)’ (Исх 24:12)	(осм.:) таула, тавла ‘шахматная доска’
3. Тюркские этимологически	18	Быт 45:23	ОШАКЪ	ОСЬЛЪ	eřağ (III.73 eřek)	esac, eřik, esek (CC), (кар.:) эшяк (тр.), эшэк, эшек (кр.), эсэк (гал.), eřäk (а.к.) ‘осёл’
	19	Быт 42:23	ТАЛМАХЪ	ТЪЛАКЪ	tylmaç (III.73 talmaç)	tolmaç, telmaç (CC), (кар.:) талмач, толмач (тр.), толмац (гал.), tılmaç (а.к.)
	20	Исх 28:39, Лев 16:4	ЧАЛМА	КЛОБОУКЪ	<i>Фирк. 144</i> çalma (<i>Фирк. 143</i> dolbant, III.73 форма MT)	çalma ‘fazolun (sic!)’ (CC), (кар.:) чалма (тр.кр.), цалма (гал.)
	21	Исх 10:4, Лев 11:22	САРАНУА, САРАНЦА	ОУСЕНЬЦЪ	<i>Фирк. 143</i> обрезанная глосса sari-, Числ 13:33: sarinçqa (III.73 çegirtke)	şarinçka (CC), sarança, sarunça, şaranca, sarinçğa, sarançğa (а.к.)

свидетельства. Так, скорее всего, из тюркских форм в славяно-русскую книжность попали названия еврейских месяцев, заимствованные без греческого или латинского посредничества. Они входят в состав двух памятников — перечня «А се имена месяцам жидовьским» (или просто «Имена месяцам»), известного в списках семи ономастиконов начиная с перв. четв. XVI в., а также в месяцеслове Библейского сборника Матфея Десятого 1502–1507 гг.) и календарно-астрономического трактата «Ведомо же всякому хотящему разумети теченье лунное» в сборнике РГБ, ф. 304.I, № 765 кон. XV в.

2.3. Проблема графического усвоения иудейской традиции славянской книжностью

Использование в гипотетическом славянском таргуме еврейских букв становится аргументом в пользу его существования у Б. А. Успенского, который поддержал гипотезу А. А. Алексеева и на материале всего двух глосс (эгеє эшеръ эгеє и эль шаддан), хотя и с исчерпывающей полнотой, описав по всем рукописям их варианты, сделал вывод, что в начальном Э-образном (или А-образном) знаке этих слов отражено написание еврейской буквы א «алеф». В настоящей диссертации подробно рассмотрены формы буквы א в разных типах средневекового еврейского почерка и сделан вывод о том, что представленная в списках Правленого Пятикнижия А-образная графема действительно наминает полукурсивный «алеф» восточного и сефардского типов (аналогичной формы «алеф» используется в основном и в старшем списке тюркского таргума РНБ, Евр.І.Библ. № 143), но с важной утратой — правого верхнего элемента («руки алефа»). Э-образные начертания этой графемы так или иначе восходят к А-образному, то есть к «безрукому алефу», а «потеря руки» могла произойти исключительно на славянской почве. Допущение такого графического искажения несколько не укрепляет гипотезу

Б. А. Успенского и А. А. Алексеева о непосредственном влиянии еврейской буквы «алеф» на графику Правленого Пятикнижия.

С двумя выводами Б. А. Успенского придётся не согласиться: во-первых, о «великорусском» происхождении буквы «Э», которая якобы не имеет отношения к западнорусской письменности; во-вторых, о том, что буква «Э» первоначально употреблялась только в *nomina sacra*. На два «сакральных» примера Б. А. Успенского, хотя и представленных в большом количестве рукописей, нашлось два «профанных», впрочем, всего в двух рукописях: это множественная глосса **эфа** — **мъра** — **вфил** к Лев 5:11 (греч. *οιφι*, др.-евр. *'ēpā^h* — действительно, с «алефом» в начале слова) и дважды повторенная глосса **этамъ** — **въ** **ввфанъ** к Числ 33:6–7 (греч. *Βουθαυ*, др.-евр. *'ēṭām* — также с начальным «алефом»). Ещё в одном списке Правленого Пятикнижия маргинальная глосса, под которой подразумевается всё та же «эфа», но в другом месте библейского текста (Исх 16:36: **гоморъ же деслтайа уастъ треи мъръ въаше**, где **треи мъръ** в греч. тексте соответствует *τῶν τριῶν μέτρων*, в еврейском — *hā'ēpā^h*), записана как **зфа**, то есть имеет место графическая замена буквы **Э** на **З**, что уже встречалось в той же рукописи, а также на более традиционное начертание буквы «З» — **З**, зависимое, по-видимому, от более нового **З** (**зль шѣдди**).

3. Тексты-посредники и языки-посредники в иных восточнославянских библейских переводах позднего Средневековья

статьи, выносимые на защиту:

- *Грищенко А. И.* Язык «Забелинской подборки» — неизвестного памятника восточнославянского христианского гебраизма на землях Речи Посполитой // *Rocznik Teologiczny* LXII – z. 2/2020. s. 547–589. DOI: 10.36124/rt.2020.21;
- *Грищенко А. И.* Глоссарий к Песни песней в «Забелинской подборке»: заимствованная лексика и её источники // *Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология.* 2021. № 67. С. 11–49. DOI: 10.15382/sturIII202167.11-49

Пример Правленого Пятикнижия продемонстрировал важность поиска для текстов, казалось бы, по всем формальным показателям являющихся плодом непосредственных языковых и литературных контактов славян и евреев, возможных текстов-посредников, созданных на языках-посредниках. Ещё одним таким примером оказались два западнорусских перевода Песни песней, выполненные с еврейского оригинала: считающий более старшим — по рукописи РГБ, ф. 178, № 8222 (*Муз.*) и более младшим — из Виленского библейского свода (*Вил.*). Независимое свидетельство сразу обоих этих переводов было обнаружено автором настоящей диссертации в «Забелинской подборке» (ГИМ, Забел. 436, 1630-е гг.) — комплексе текстов, отражающем позднесредневековые языковые и литературные контакты восточнославянской книжности и иудейской библейской традиции, который открывается Глоссарием именно к Песни песней. Этот Глоссарий вполне может стать ключом к пониманию того, как *Муз.* и *Вил.* соотносятся между собой, а также со своими еврейскими источниками.

Недооценённым языковым звеном здесь оказываются староидишские переводы Песни песней, которые дают богатый сопоставительный материал с чтениями *Муз.*; эти же переводы, равно как и данные комментариев, переводов и глоссариев на иных диаспоральных языках, актуальных для Восточной Европы XIV–XVI вв., принципиально важны для интерпретации Глоссария. Выводы о языках-посредниках (и, соответственно, о выполненных на них текстах-посредниках) удалось получить сначала на материале Правленого Пятикнижия, а затем — на материале *Муз.* и *Вил.*, верифицированном в Глоссарии «Забелинской подборки», при помощи иерархии лингвотекстологических маркеров, то есть таких показателей связи текстов, которые имеют лингвистическую природу, опираются на знак языка как двустороннюю сущность — единство означаемого и означающего.

Наиболее слабым лингвотекстологическим маркером оказываются транслитерированные кириллицей гебраизмы, причём исключительно имена

собственные. Если с формальной точки зрения такого рода слова являются наиболее надёжными показателями непосредственных контактов славян и евреев, то текстологически их значимость не очень велика: такие формы вовсе не исключают возможности того, что текстом-источником был не сам МТ, а его переводы, сделанные в рамках той же иудейской традиции, то есть таргумы. Самым надёжным лингвотекстологическим маркером оказывается наличие в тексте анализируемого перевода (в нашем случае — славянского) таких слов, которые не просто являются иноязычными заимствованиями, причём не из древнееврейского языка МТ, но и квалифицируются как гапаксы, не освоенные языком книжной традиции, на который сделан соответствующий перевод. Между этими двумя крайними типами маркеров имеются промежуточные ступени, которые в разной степени обнаруживают наличие языка-посредника и текста-посредника, но в совокупности все маркеры скорее говорят в пользу их существования.

Заключение

Настоящая диссертация, представленная к защите в виде совокупности научных статей, опубликованных в рецензируемых журналах, обобщает все исследования автора в области средневековой иудео-славяки, и в ней:

1) содержится обоснование и состав *Corpus Judaico-Slavonicum* — с опорой на работы исследователей начиная со второй половины XX века, а также на открытые автором памятники этого корпуса и их источники внутри иудейской традиции;

2) вводится понятие ложных гебраизмов — слов или словосочетаний, известных по славяно-русской книжности и имеющих еврейское происхождение, однако опосредованных текстами иных традиций, прежде всего грекоязычной византийской;

3) разработана система формальных показателей (орфографических маркеров) непосредственных языковых контактов славян и евреев,

отражённых в средневековой восточнославянской книжности: она позволяет отфильтровывать ложные гебраизмы и ставить под сомнение подобные им языковые единицы;

4) постулируется этап устного бытования нескольких ранних гебраизмов славяно-русской книжности, заимствование коих произошло при не выясненных до сих пор обстоятельствах;

5) для более позднего этапа славяно-еврейских контактов, относящегося к XV веку, обосновано наличие по меньшей мере для нескольких памятников языков-посредников — диаспоральных языков еврейских общин позднесредневековой Восточной Европы;

6) разработана система лингвотекстологических маркеров, позволяющих выявлять языки-посредники при трансляции текстов из неодноязычной традиции, коей являлась и является иудейская;

7) выявлено тюркское посредничество — прежде всего, в появлении глосс и эмендаций Правленого славяно-русского Пятикнижия, и верхненемецкое (староидишское) — в переводах Песни песней;

8) проанализирован язык «Забелинской подборки» — открытого автором диссертации блока ветхозаветных переводов, сделанных уже в принципиально иную по сравнению со Средневековьем эпоху (но предположительно во второй половине XV века), когда обращение к иудейским текстам православными восточнославянскими книжниками вызвано не какими-либо практическими соображениями, но стремлением лучше понять истоки христианства, базирующимся на принципе «*Hebraica veritas*».

Деятельность восточнославянских иудаизантов (или филологов-«гебраистов» и «библейстов») во второй половине XV века приводит к созданию ряда библейских проектов, из которых успешно завершилась лишь Геннадиевская Библия, при этом её составители были так или иначе знакомы с наработками своих западнорусских коллег, в частности с Правленным Пятикнижием, которое частично отразилось и в Геннадиевской Библии.

Примечательно, что Геннадиевский кружок был многоязычным, интернациональным и, возможно, если предположить сохранение католичества некоторых его участников, межконфессиональным. Для Геннадиевской Библии и её метатекстов использовалась как латинская Вульгата, так и нижненемецкий перевод Библии с толкованиями Николая Лиранского. Выяснилось также, что среди участников кружка, по меньшей мере среди отдельных писцов новгородского владычного двора, были также носители древнепермского языка и носители книжной культуры свт. Стефана Пермского⁴⁰. Владение этим «экзотичным» по средневековым меркам, пусть и на далёкой северо-восточной окраине Европы, языком и его необычной графикой, разработанной изначально специально для него, по-видимому, было знаком принадлежности к особой интеллектуальной прослойке русских книжников — в том числе тех, кто активно использовал анбур (древнепермскую азбуку) в качестве тайнописи, зашифровывая им русские и церковнославянские слова и фразы. Ранее считалось, что основными носителями культуры древнепермской тайнописи были так называемые жидовствующие (точнее, «жидовская мудрствующие»), которые в итоге были обвинены в ереси и физически уничтожены: все маргинальные глоссы, записанные ими анбуром, но по-славянски, даже специально издавались Я. С. Лурье как образцы их «литературы». Впрочем, решительно ничего еретического в этих глоссах найти невозможно, и теперь обнаруживается, что тем же анбуром пользовались как будто бы идейные противники «жидовствующих» — участники кружка архиепископа Геннадия, известного своими сочинениями против «еретиков»; более того, тетради с записями анбуром были посланы из Новгорода на Волок другому ярому противнику «жидовствующих» — волоцкому игумену Иосифу.

---

⁴⁰ Грищенко А. И., Понарядов В. В. Новые находки памятников древнепермского языка и письма // *Ural-Altai Studies*. 2021 (в печати).

Ничего еретического или антихристианского вообще пока не найдено во всём активно исследуемом Corpus Judaico-Slavonicum — ни в Правленом Пятикнижии, ни в текстах, так или иначе связанных с Виленским библейским сводом (к ним необходимо отнести и Музейный перевод Песни песней, и «Забелинскую подборку», и, конечно, «Учебник древнееврейского языка»). Славяно-еврейские контакты XV века можно смело квалифицировать, по определению М. Таубе, как еврейско-христианское сотрудничество, столь редкое в истории взаимодействия этих двух конфессиональных традиций. При этом оно продолжает развиваться на фоне антииудейской полемики и сосуществовать с нею в одних и тех же кодексах, и в этом сближении и отталкивании «своего» и «чужого» — прежде всего в конфессиональном отношении, во вторую очередь в языковом — проявляется своеобразие средневековой и пост-средневековой книжности восточнославянской части ареала *Slavia Orthodoxa*.